

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИКИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

В.И. Мерцалов

О ПРОИСХОЖДЕНИИ РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ И СТРОИТЕЛЬСТВОМ (1957 - 1965 гг.)

За последние десять лет историки провели большую работу по изучению политического процесса в постсталинский период. Это позволяет проследить непосредственное влияние политики и идеологии на характер предпринятой Н.С. Хрущевым реформы. При освещении возникновения самой её идеи в данной статье использованы неопубликованные материалы пленумов ЦК КПСС второй половины 50-х гг.

* * *

Хозяйственная система управления в СССР сложилась под влиянием объективной необходимости догнать западные страны в экономическом развитии и при небывало мощном воздействии советского государства на социально-экономические процессы. Как еще отмечал В.И. Ленин, Россия после 1917 г. стала обнаруживать совершенно иной порядок общественного развития по сравнению с Западом. Советское государство выступило не просто в роли регулятора социально-экономических отношений, а в качестве решающего рычага преодоления экономической отсталости. Здесь находился первоисточник возникновения административно-командной системы. С созданием индустриальной основы в 30-е гг. Советский Союз вступил в стадию формирования индустриально развитого общества. Предстояло догнать страны Запада по производству промышленной продукции на душу населения. Из-за войны и ее разрушительных последствий решение этой задачи преимущественно развернулось в пятидесятые годы.

В это время условия, породившие административно-командную систему, несмотря на их определенную трансформацию, сохранялись. СССР хотя и расширил ареал своего влияния за счет народно-демократических стран, но в период развертывания «холодной войны» продолжал оставаться выключенным из международного разделения труда с западными странами. Это диктовало политику опоры на собственные силы и ресурсы, что по существу усиливало потребность в экстенсивном развитии. Страны народной демократии, многие из которых страдали от недостатка природных ресурсов, объективно усиливали эту

Мерцалов Виктор Иванович - кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ЧИ ИГЭА

тенденцию. Экономическое противоборство между враждебными друг другу мировыми сообществами делало проблему преодоления экономического отставания особенно острой.

Для обеспечения перехода страны на более высокую ступень индустриального развития предстояло решить две задачи: повысить эффективность использования созданного промышленного потенциала и обеспечить освоение новых природных ресурсов, преимущественно сосредоточенных в восточных районах страны. По существу, данная двуединая задача свидетельствовала о переходном характере советской экономики от экстенсивного к интенсивному типу развития. Отражением этого было и наличие в ней неравнозначных по своей зрелости двух тенденций. Одна диктовала перенос центра тяжести экономической политики на повышение эффективности производства и, по мере роста экономических потребностей, освоение новых природных ресурсов. Последствия такой ориентации могли выразиться в основательной реорганизации административно-командной системы на основе экономического интереса, а не просто экономической заинтересованности. Но это дело было новым и в силу переходного характера экономического развития не вполне созревшим.

Другая тенденция, которая и была осуществлена, характеризовалась сосредоточением центра тяжести политики на освоении новых природных ресурсов с максимальной экономической эффективностью. Одновременно усиливалось внимание к качественным показателям работы промышленности.

В начале 50-х гг. система управления продолжала действовать в значительной мере в репрессивном режиме. Гулаг составлял значительную часть её хозяйственного организма.¹ Среди его действующих структур были и такие организации, как «Енисейстрой». Ее хозяйственная деятельность носила многопрофильный характер. С 1943 г. она занималась разработкой использования водных ресурсов реки Енисей и впадающей в нее Ангара, составила проектные задания на строительство мощной гидроэлектростанции в районе Абалаково, вблизи города Енисейска. Летом 1949 г. руководство «Енисейстроя» представило в Совет Министров СССР проект постановления о мероприятиях МВД СССР по развитию геологоразведочных работ, строительству новых и укреплению действующих промышленных предприятий, увеличению добычи цветных и редких металлов в Красноярском крае. Через несколько лет в мае 1952 г. итоги работы «Енисейстроя» были изложены в докладной записке Сталину о наличии сырьевой базы для развития алюминиевой и магниевой промышленности в Восточной Сибири. Материалы, представленные «Енисейстроем», послужили отправным моментом в обсуждении перспектив развития производительных сил в

Красноярском крае на VIII краевой партийной конференции, состоявшейся накануне XIX съезда КПСС.²

О значительности этой теневой стороны хозяйственной и в целом общественной жизни страны свидетельствуют и данные о численности заключенных в лагерях и колониях Гулага: на 1 января 1940 г. она составляла 1659992 чел., а к 1 марта 1953 г., включая и заключенных в тюрьмах, она достигла более 2,5 млн. чел. Реабилитация, начавшаяся после смерти Сталина, по свидетельству Н.С. Хрущева, до XX съезда не намного уменьшила число заключенных.³

После Сталина мобилизационный механизм административно-командной системы не мог оставаться прежним. Маховик массовых репрессий, обеспечивавший дешевой рабочей силой многие промышленные отрасли и игравший роль дисциплинирующего фактора не только в сфере общественно-политической, но и трудовой, перестал действовать. Потребовалась выработка иных мотивов трудовой деятельности, которые в целом определялись характером взаимоотношений государства и советского общества, основанного на коллективистских началах.

При Сталине подчинение общества государству облекалось в жесткое и неоспоримое требование готовности всех его членов к новым жертвам ради достижения поставленных государством целей.⁴ После его смерти требование жертвы исчезло. Напротив, государство теперь ориентировалось на увеличение социальных расходов. Оно стремилось сформировать у советских людей сознание общественного долга преимущественно на добровольной основе, расширяя действие экономической заинтересованности в сфере труда. Именно в этих направлениях административно-командная система стала искать дополнительные резервы мобилизации сил общества. Уже на 5-й сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков, излагая общую политическую линию, считал необходимым частично перераспределить средства в пользу «форсированного» развития производства товаров народного потребления и сельского хозяйства.⁵ Но во второй половине 50-х гг., хотя социальная переориентация экономики сохранялась, эта политика сменилась снова курсом ускоренного развития тяжелой промышленности и ослаблением внимания к фактору материальной заинтересованности. Отмеченная перемена дала основания некоторым историкам видеть в политике Г.М. Маленкова потенциально более глубокую и взвешенную альтернативу преобразованиям Н.С.Хрущева.⁶

В русле политического подхода Г.М. Маленкова следует рассматривать и высказывания В.М. Молотова в 1955 г. о создании в советском обществе только основ социализма, хотя в материалах XIX съезда КПСС был зафиксирован вывод о том, что социализм в СССР построен

и страна приступила к построению коммунизма.⁷ Формулировка В.М. Молотова вполне могла стать теоретической основой, условно говоря, эволюционного подхода Г.М. Маленкова. Но она прозвучала поздно и скорее носила характер предупреждения от поспешных и недостаточно взвешенных решений.

То, что Г.М. Маленков был сторонником «эволюционного подхода» в конкретной политике,⁸ а В.М. Молотов заметно сомневался в полном построении социализма в СССР, еще не означало, что в случае их прихода к власти развитие советского общества приобрело бы более взвешенный и устойчивый характер. Здесь следует учитывать их позицию по вопросу о культе личности Сталина. Они выступали по существу за то, чтобы его осуждение не подорвало, как говорил Л.М. Каганович, «законное право Сталина» именоваться великим продолжателем дела Ленина.⁹ При подобной позиции «эволюционный подход» мог обернуться и ранним вариантом застоя.

Вместе с этим политика Г.М. Маленкова по вопросам промышленности вступала в противоречие с развертывающейся научно-технической революцией. Необходимо было выделять новые капиталовложения на расширение и обновление основных производственных фондов и нести возрастающие затраты на развитие производительных сил в восточных районах страны. Одновременно предпринимаемое индустриальное освоение Сибири объективно являлось средством смягчения острых социальных проблем. Оно разряжало социальную атмосферу в центре страны, давая возможность приложить свой труд многим сотням тысяч молодых людей на новостройках. За 1956-1965 гг. на 987 промышленных объектов страны, объявленных всесоюзными стройками, выехало 1,8 млн. человек, хотя планировалось направить около 1 млн.¹⁰

Разоблачение культа личности Сталина на XX съезде вывело общество из состояния социальной «окаменелости», придало ему динамизм, оживило сдерживаемые репрессиями противоречия, обострило их возвращением в общество бывших политических заключенных. Так или иначе вырисовывался вариант политики, рассчитанной на ускоренное экономическое развитие. Он требовал изменений в управлении.

Кроме этого сказывалась и внешнеполитическая ситуация. Обычно венгерские события 1956 г. рассматривают как фактор, который резко усилил консерватизм в политике Н.С. Хрущева. Это так. Но одновременно они показывали, что и в СССР нельзя было оставлять управление без достаточно радикальных изменений. В этих условиях и появилась идея совнархозов, как максимум возможного в то непростое время.

* * *

Среди факторов, повлиявших на характер реформирования системы управления промышленностью во второй половине 50-х гг., важное значение имела идеология, сформировавшаяся после смерти И.В. Сталина. В начале этого периода обозначились три идеологических варианта, содержавшие в себе различные концептуальные установки послевоенного развития советского общества. Первым среди них был сталинский вариант, предусматривавший постепенный переход СССР к коммунизму. В отличие от других он выделялся большей разработанностью. Еще в 1946 г. по решению мартовского Пленума ЦК партии созданная рабочая группа приступила к разработке новой программы ВКП(б). Ее проект был написан, но он так и не увидел свет.¹¹

Видимо, работа над проектом новой программы выявила ряд нерешенных до конца теоретических проблем. Не случайно в ноябре 1951 г. была проведена экономическая дискуссия, по итогам которой И.В. Сталин написал свою последнюю работу «Экономические проблемы социализма в СССР». Признавая в общефилософском плане объективный характер законов социализма и достаточно точно описав сложившуюся хозяйственную модель советского общества, включая роль закона стоимости, он сделал вывод о постепенном ограничении «сферы действия товарного обращения».¹² Впоследствии его преемники оценили сталинский вывод как преждевременный. Правда, с точки зрения марксизма он вполне логично связывался с выводом о переходе страны к строительству коммунизма, который вскоре провозгласил XIX съезд партии. Ошибка заключалась в другом - в преждевременном провозглашении этого перехода, что в полной мере так и не было осознано политическим руководством страны в последующие годы. Критика сталинского тезиса в то время носила сугубо прагматический характер.

Второй идеологический вариант намечался в позиции Л.П. Берия. По всем признакам его взгляды еще не успели сформироваться в нечто целое. Многие из них появились в качестве первой реакции Берия на возникавшие общественно-политические проблемы в условиях напряженной борьбы за свое лидерство в политическом руководстве. Поэтому на июльском 1953 г. Пленуме ЦК КПСС подверглись критике его отдельные высказывания, идеи и политические шаги. Он стал отходить от проводимой внутренней политики по национальному вопросу, а его расхождение с курсом внешней политики доходило вплоть до отказа от строительства социализма в ГДР с целью создания нейтральной демократической Германии.¹³

В целом высказывания Л.П. Берия отличались крайним радикализмом, что само по себе было опасно для действующей советской системы, а его борьба за политическое лидерство обостряло эту опасность.

Наконец, третий вариант, реализованный вследствие смерти И.В. Сталина и ликвидации Л.П. Берия, носил умеренный характер. Он сохранял преемственность со сталинским вариантом, но, лишенный его крайностей, достаточно органически включал в себя некоторые новые элементы.

Теоретической основой, позволявшей сочетать преемственность старых положений с новыми, явилась концепция о руководящей роли КПСС. Она была исторически традиционной для советского общества. Но в той конкретной ситуации она несла на себе и печать новизны. Нужно учитывать, что непосредственно после войны сфера деятельности ЦК была сужена сугубо вопросами партийными. В его структуре были ликвидированы два последних производственных отдела - сельский и транспортный.¹⁴ Возрождение концепции руководящей роли партии качественно меняло всю ситуацию, что не учел Л.П. Берия. Его позиция, выразившаяся в тезисе «пусть Совмин все решает, а ЦК занимается кадрами и пропагандой», была оценена как отрицание руководящей роли партии.¹⁵

Одновременно эта концепция имела прочную легитимную основу в ряде постановлений, принятых еще при жизни И.В. Сталина. В постановлении Президиума ЦК КПСС от 4 декабря 1952 г. указывалось на необходимость покончить с бесконтрольностью в деятельности органов Министерства госбезопасности и поставить их работу под систематический и постоянный контроль партии.¹⁶

В системе идеологических и политических понятий центральное место занимал принцип коллективности, провозглашенный в качестве высшего принципа политического руководства. Это понятие оказывало свое влияние в двух различных направлениях. С одной стороны, оно сдерживало борьбу за лидерство в партии и государстве. Сам Л.П. Берия был осужден не в последнюю очередь за попрание этого принципа, вызывая недовольство среди руководителей страны своим стремлением быть во всем первым.

Показателен в этом отношении и отказ от обсуждения вопроса о преемнике Сталина. Когда А.А. Андреев, выступая на июльском Пленуме ЦК, неосторожно назвал Г.М. Маленкова преемником умершего вождя, Г.М. Маленков немедленно отмежевался от этого, а в заключительном слове заявил, что «никто один не смеет, не может, не должен и не хочет претендовать на роль преемника».¹⁷

Вместе с этим, принцип коллективности означал курс на оживление функционирования всех органов и структур КПСС. Из этого вытекало восстановление уставных норм партийной жизни, возобновление регулярного созыва пленумов, конференций, партийных съездов.

На первый взгляд может показаться, что по крайней мере до середины пятидесятых годов можно было обойтись и без осуждения культа

личности. Но это не так. Осуждение культа личности Сталина, хотя в первое время и не было радикальным, содействовало закреплению принципа коллективности в формирующейся постсталинской идеологии и одновременно мотивировало отказ нового политического руководства от наиболее неприемлемых теоретических положений И.В. Сталина.

Из всего комплекса идей третьего варианта по силе влияния на управленческие процессы в промышленности выделялись две: идея о культе личности Сталина и идея экономической заинтересованности. В отличие от Л.П. Берия, который, борясь за свое лидерство, слишком спешил с выдвижением новаторских предложений, новое политическое руководство вводило понятие культ личности с большой осторожностью. Оно появилось в обиходе еще до июльского 1953 г. Пленума ЦК КПСС, но на этом форуме ни в докладе Г.М. Маленкова, ни в выступлении Н.С. Хрущева не упоминалось. Только выждав реакцию на него участников Пленума, Г.М. Маленков отклонил в своем заключительном слове попытки некоторых выступавших представить появление этого понятия как «проделки Берия». По предложению Г.М. Маленкова оценку культа личности включили в постановление Пленума ЦК и приняли без какого-либо явного сопротивления.¹⁸ Так, это понятие получило официальный статус в формирующейся постсталинской идеологии.

Другим существенным моментом в работе июльского Пленума ЦК был отказ от сталинской идеи постепенного свертывания товарно-денежных отношений и признание важности учета экономической заинтересованности, что сказалось и на развитии промышленности. В августе 1954 г. Совет Министров СССР и ЦК КПСС приняли постановление «О роли и задачах государственного банка СССР», предусматривавшее усиление кредитного воздействия на хозяйственную деятельность предприятий. Через год появилось положение о фонде предприятия, создаваемого за счет получения плановой и сверхплановой прибыли.

В принципиальном отношении схема образования фонда предприятия и выделения его средств мало чем отличалась от практики, введенной постановлением ЦИК и СНК СССР в 1936 г.¹⁹ Но положение о фонде предприятия расширяло эту практику, за счет создаваемого фонда предусматривалось и дополнительное финансирование научно-технического прогресса. Однако в целом подход к управлению промышленностью не менялся.

Для более сильного влияния идеи экономической заинтересованности еще не сложились необходимые условия. Товарно-денежные отношения в стране не приобрели достаточно развернутый характер. Первым крупным шагом в этом направлении стала реорганизация МТС

в 1958 г. и продажа сельскохозяйственной техники колхозам, что явилось началом постепенного отхода от действующей модели хозяйствования. Не случайно И.В Сталин еще в 1952 г. именно по этим соображениям высказался против подобных предложений.²⁰

Таким образом, основным идейным источником, генерирующим импульсы к реформированию системы управления, было понятие культа личности Сталина. Правда, диапазон его влияния вплоть до XX съезда партии ограничивался еще многими старыми догмами и положениями. Сталин рассматривался как верный продолжатель дела Ленина, а при характеристике допущенных им политических или теоретических ошибок его имя скромно умалчивалось. Только с возрождением ленинских идей, как собственной теоретической базы этого понятия, оно проявило свой реформаторский характер.

Проведенное осуждение культа личности Сталина на XX съезде дало возможность соотнести действующую систему управления с ленинскими принципами и практикой. Разрыв между ними оказался существенным. Он состоял в отсутствии былого демократизма в партии, а следовательно и во всей системе управления. В качестве основного средства преодоления отмеченного разрыва стали рассматривать принцип демократического централизма.

До XX съезда КПСС в его толковании отдавали приоритет централизму, причем в предельно жесткой формулировке. ЦК КПСС, воплощавший в себе идею централизма, оценивался как орган «непрерываемого авторитета», «полновластный, облеченный самыми широкими полномочиями». После XX съезда характер трактовки централизма заметно изменился. Централизм и демократизм если не уравнивались по своему значению, то во всяком случае признавалась недопустимость преувеличения роли какой-либо из этих сторон, а партийные массы провозглашались хозяевами в своих организациях.²¹

Но влияние принципа демократического централизма не ограничивалось пределами партии. Опираясь на ленинское идейное наследие, ему придали универсальный характер. После длительного, начиная с 30-х гг., забвения его в области хозяйственной политики, принцип демократического централизма стали снова рассматривать как фундаментальную основу хозяйственного управления.²² Но трактовали его далеко не однозначно. Наметились два подхода. Первый акцентировал внимание на организационной сущности этого принципа, другой заключался в стремлении наполнить его экономическим содержанием.

Разоблачение культа личности Сталина сообщило дополнительный импульс для проявления последнего подхода. В апреле 1956 г. журнал «Коммунист» опубликовал передовую статью «Больше внимания экономике промышленного производства». В ней излагался первый набросок программы реформирования экономики на основе экономи-

ческого стимулирования производства. Через некоторое время на его страницах появились статьи Е.Г. Либермана, А.И. Ноткина и других, раскрывающие конкретный механизм нового хозяйствования.²³

Однако этот подход не был принят. События в Венгрии 1956 г. и политические дискуссии вокруг них, в том числе с руководством Югославии, где действовала с 1952 г. иная модель хозяйствования, безусловно сказались на усилении идеологического и политического консерватизма. Ориентация на подготовку экономической реформы в советском обществе лишилась активной поддержки в журнале «Коммунист». Его главный редактор А.М. Румянцев, при котором журнал стал превращаться в идеолога экономической реформы, был переведен на должность шеф-редактора журнала «Проблемы мира и социализма».²⁴

Одним словом, возрождение ленинских идей как единственно возможной тогда теоретической основы экономической политики оказалось ограниченным. Оно не затрагивало, да и не могло в то время затронуть таких несущих конструкций сталинской идеологии, как положение о переходе советского общества к коммунистическому строительству. Даже определение сроков построения коммунистического общества в третьей программе КПСС было сделано не без влияния программных разработок, осуществленных еще при жизни Сталина.²⁵

Что касается уже упомянутых высказываний В.М. Молотова по поводу завершенности строительства социализма в стране на сессии Верховного Совета СССР в феврале 1955 г., то они дальше сомнений не шли. В.М. Молотов только подтвердил данную ему еще Л.Д. Троцким характеристику как человека, обнаруживающего «подчас несколько большую свободу от ритуальной фразы, чем другие советские вожди».²⁶ И основная причина заключалась не только в политическом давлении, принудившем его отказаться от своей позиции, не только в его опасениях повредить единству партии, но и в недостаточном теоретическом потенциале самого В.М. Молотова и ближайших его сторонников. «Все практики мы»,²⁷ - с сожалением признавался он.

Таким образом, основы старой идеологии не могли измениться. Их сохранение блокировало полное использование ленинских идей. А кризис, вызванный разоблачением культа личности Сталина в ряде стран, временно перекрыл возможность подготовки экономической реформы. Умеренная модификация сталинской идеологии, распространение влияния понятия культа личности преимущественно на партийно-политическую и хозяйственно-организационную сферы, ограниченный характер возрождения ленинских идей - все это неизбежно толкало зреющую реформу управления промышленностью в русло организационной перестройки.

Процесс возникновения самой идеи реформы протекал во второй половине 50-х годов. Ещё на июльском Пленуме ЦК в 1955 г. в докладе Н.А. Булганина была намечена задача реорганизации министерств. В нем одновременно определялся общий курс совершенствования управления - приближение его к производству. В этих пределах и происходило формирование идеи реформы.

Её созревание стимулировалось усилением ведомственности, как устойчивого хозяйственного отношения, трудно поддающегося воздействию политического центра. При осуществляемой децентрализации управления всплеск проявлений ведомственности оказался настолько сильным, что созданная в 1955 г. Госэкономкомиссия не выдержала натиска министерств в период составления шестого пятилетнего плана и его задания, особенно по капитальному строительству, оказались невыполненными. Учитывая это, Госплан СССР считал целесообразным на шестую пятилетку сократить объем капитальных работ на 70-100 млрд. руб.²⁸

Выявившаяся незаинтересованность министерств в эффективном использовании имеющихся производственных резервов сказывалась и при решении текущих народнохозяйственных задач. ЦК и Совмину приходилось подчас действовать в обход министерств, используя парт-аппарат на местах. «Иной раз наш «воз» идёт не туда, куда мы хотим, - заключал Н.С. Хрущев в конце 1956 г. - ...Этот государственный «воз» оказывается как бы не послушным управлению»²⁹

В сложившихся условиях на декабрьском 1956 г. Пленуме ЦК не только рассматривался вопрос о повышении статуса Госэкономкомиссии для успешного ее противостояния министерствам, но и высказывались мнения о создании территориальных органов управления. Эти соображения исходили как от представителей центра, так и - мест. Но ближе к идее реформы подошли региональные руководители. Первый секретарь Свердловского обкома партии А.П. Кириленко сказал: «Организация планирования и управления хозяйством должна быть, безусловно, перестроена... Нам кажется, что необходимо создать по экономическим районам планирующие органы и органы управления, наделив их необходимыми правами и предоставив им возможность планировать все отрасли народного хозяйства того или иного района».³⁰

По своему содержанию это предложение потенциально шло дальше размышлений Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева, которые на пленуме высказались за создание территориальных органов управления, но при сохранении министерств.

Хотя идея реформы в это время не получила своей полной завершенности, обмен мнениями показал, что она вырабатывалась в значи-

тельной мере коллегиально и было бы неправильно приписывать её одному Н.С. Хрущёву.

Как политик он на этом этапе выступал достаточно сдержанно. Требовалось время для окончательных выводов. Его первоначальная склонность рассматривать создание территориальных органов в качестве дополнения к министерствам не могла быть продолжительной. Этот вариант мог лишь усложнить управление. Поэтому он вскоре отказался от него. Этому способствовал обмен мнениями с региональными руководителями. Вывод о целесообразности замены министерств территориальными органами управления он сделал в ходе поездки в Узбекистан и Киргизию.³¹ Возвратившись в Москву, Н.С. Хрущев в конце января 1957 г. написал развернутую записку в президиум ЦК КПСС с изложением содержания реформы и обоснованием необходимости её проведения.

Отношение в Президиуме ЦК к идее реформы несмотря на внешне проявляемое единство складывалось сложно. Необходимость изменений в управлении чувствовалась всеми. Но предложения Хрущева были радикальными и не могли не настораживать, хотя в записке и предлагалось провести реформу постепенно.³² В то же время новых конструктивных идей никто не выдвигал, что делало изначально слабой позицию тех, кто так или иначе не принимал реформы.

После создания комиссии Президиума ЦК для проработки предложений Н.С. Хрущева процесс обсуждения и подготовки реформы в целом характеризовался двумя моментами: отсутствием свободной дискуссии по принципиальному вопросу о целесообразности проведения данной реформы и достаточно свободным обсуждением её конкретного содержания. Первый момент вытекал из сложившихся за многие десятилетия в политическом руководстве страны норм и традиций, которые давно приобрели силу объективного закона. Свободная дискуссия по принципиальным вопросам в советской общественно-политической системе всегда была чревата опасностью раскола ЦК с последующей расшивкой общества. Поэтому те, кто так или иначе не соглашался с реформой использовали или индивидуальные заявления, как В.М. Молотов, или, как Д.Т. Шепилов, частные беседы с Хрущевым.

Второй момент отражал изменение политического климата в стране. Несмотря на испытываемое давление, явное и скрытое сопротивление, Хрущев при подготовке февральского Пленума ЦК привлекал к ней и несогласных с реорганизацией, как например Председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова, который участвовал в этой работе от начала до конца. Н.С. Хрущёв делал всё, чтобы расширить круг сторонников намеченных преобразований. Накануне февральского Плену-

ма было проведено специальное расширенное заседание Совета Министров СССР, где вместе со всеми министрами обсуждались вопросы предстоящей реформы.³³

В ходе развернувшегося в стране обсуждения выдвигались предложения, которые выходили за рамки концепции, разработанной комиссией Президиума ЦК. Ещё на февральском Пленуме Н.К. Байбаков предлагал создать укрупненные совнархозы, а председатель Совета Министров РСФСР М.А. Яснов - Всероссийский СНХ.³⁴ Таких идей, не укладывавшихся в обсуждаемую концепцию, было немного. Но в своей совокупности они выстраивались во второй вариант возможного осуществления реформы. Как показали последующие события, совнархозовская реформа трансформировалась именно в этом направлении и породила неожиданно бурный рост бюрократизации управления.

Реформа оказалась неудачной. Но нельзя не видеть, что она выросла из объективных потребностей развития страны и отражала общественные надежды на реформируемость действующей системы. Однако исторические возможности её успешного реформирования были крайне ограниченными.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Иванова Г.М. Гулаг в системе тоталитарного государства. - М., МОНФ, 1997.
2. Архив новейшей истории России. Т. 1. «Особая папка» И.В. Сталина. Серия «Каталоги». - М., 1994. - С. 291, 316, 322, 323, 327; Центр хранения и изучения документов по новейшей истории Красноярского края, ф. 26, оп. 24, д. 16, л. 27.
3. Эбеджанс С.Г., Важенев М.Я., Производственный феномен Гулага // Вопросы истории. - 1994. - №6. - С. 188; Н.С. Хрущев (1894 - 1971 гг.). Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Хрущева. 18 апреля 1994 г. - М., 1994, - С. 113; Хрущев Н.С. Мемуары. // Вопросы истории. - 1992. - № 6-7, - С. 83.
4. XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. - М., 1939. - С. 18.
5. Заседания Верховного Совета СССР. 5-я сессия. Стенографический отчет. - М., 1953, - С. 264.
6. Опенкин Л.А. На историческом перепутье // Вопросы истории КПСС. - 1990. - № 1.
7. Молотов В. В редакцию журнала «Коммунист». // «Коммунист». 1955. - № 14. - С. 127; КПСС в резолюциях и решениях

- съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть III. Издание седьмое. - М., 1954. - С. 579.
8. Характеристику этого подхода см.: Е.Ю. Зубкова. Маленков и Хрущев: личный фактор в политике послесталинского руководства. //Отечественная история, 1995, №4.
 9. Известия ЦК КПСС. - 1991. - № 1. - С. 197.
 10. Ефимкин М.М. Рабочие Сибири. Конец 50-х - середина 80-х годов. Новосибирск: Наука, 1990. - С. 73.
 11. Аксенов Ю. Сталинизм: послевоенные утопии и реалии. //Трудные вопросы истории. Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты. - М., 1991. - С. 191.
 12. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. - М., 1953. - С. 215.
 13. Пленум ЦК КПСС. Июль 1953 г. Стенографический отчет. // Известия ЦК КПСС. - 1991. - № 1,2.
 14. Н.С. Хрущев (1894-1971 гг.) Материалы научной конференции, указ. изд. - С. 135.
 15. Известия ЦК КПСС. - 1991. - № 1.- С. 153.
 16. Там же. - С. 142.
 17. Там же, № 2. - С. 175, 197.
 18. Там же. - С. 195,202.
 19. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т.2, - М., 1957. - С. 511. Т.4. - М., 1958. - С. 457-459.
 20. Сталин И.В., указ. соч. - С. 215.
 21. Шитарев Г. Демократический централизм и руководящая деятельность партийных органов. // Коммунист. - 1953. - №18. - С. 52,53; он же. Неуклонное осуществление коллективности - залог правильного руководства. // Коммунист. - 1956. - № 6. - С. 50, 53.
 22. Этот принцип вообще не упоминался в важнейших документах по хозяйственной политике, начиная с 30-х до середины 50-х гг. См.: Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т.4. - М., 1958. - С. 846 (предметный указатель).
 23. Коммунист. - 1956. - № 8 - С. 4-13; № 10,11.
 24. Румянцев А. Социалистическая действительность и «теории» т. Э.Карделя. // Коммунист. - 1956. - № 18; Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953-1985 гг.). Свидетельство современника. - М., 1991. - С. 78.
 25. Аксенов Ю., указ. соч. - С. 193.
 26. Троцкий Л.Д. Преданная революция. - М. 1991. - С. 69.

27. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника. - М., 1991. - С. 348.
28. Центр хранения современной документации. Ф.2, оп. 1, д. 208, л. 4.
29. Там же, л. 87.
30. Там же, л. 19.
31. Там же, д. 221, л. 57 об.
32. Там же.
33. Там же, д. 259, л. 113 об.
34. Там же, д. 221, л. 38, 39 об.

Е.Н. Воронина
Л.Н. Тарасова

ПРОБЛЕМЫ НОРМИРОВАНИЯ, УЧЕТА И АНАЛИЗА НАКЛАДНЫХ РАСХОДОВ (на примере ОАО «Читаавиа»)

Переход к рыночным отношениям оказался для авиапредприятий страны, в том числе и для ОАО «Читаавиа», очень тяжелым. Непомерно возросли затраты, особенно на авиатопливо, и даже вынужденное повышение авиатарифов не смогло покрыть дополнительных издержек. Из-за резкого сокращения платежеспособного спроса населения на услуги авиапредприятия произошло снижение объема перевозок. Объем пассажирооборота снизился с 1992 г. в 3 раза. Количество полетов и коммерческая загрузка судов сократились, особенно в осенне-зимний период. ОАО «Читаавиа» попало в тяжелое финансовое положение, оказалось убыточным. Снизить убытки в какой-то мере позволило предоставление двух самолетов ТУ-154 в аренду в Иран.

Особенностью ОАО «Читаавиа» является то, что в его собственности кроме авиакомпании находится Читинский аэропорт. На наш взгляд, данное обстоятельство является весьма благоприятным для авиакомпании, так как разделение приведет к предоставлению услуг друг другу по рыночным ценам, а следовательно приведет к повышению цен на авиаперевозки. Но вместе с тем аэропортовые расходы относятся к накладным, условно-постоянным расходам, в малой степени

Воронина Елена Николаевна - ассистент кафедры бухгалтерского учета и аудита ЧИ ИГЭА.

Тарасова Людмила Николаевна - кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой бухгалтерского учета и аудита ЧИ ИГЭА.